

Огни большого города

Мария Икеучи

Жизнь на острове для Мари и Томико закончилась, когда они сели на паром. Мари выписали из больницы накануне вечером, но она осталась в палате, так как дом, по словам дочери, совсем не был пригоден к жизни. В нем пахло сыростью и плесенью, было холодно, и женщина не хотела туда идти, боясь простудиться. После тех дней, проведенных в плену, самочувствие резко ухудшилось, и в маленькой больнице на острове не могли помочь. К тому же начали появляться страхи и странные сны, после которых молодая женщина искала в интернете какие-нибудь санатории для лечения. И думала, где возьмет эти деньги. Томико уговаривала воспользоваться помощью Сугино-сана, но она не была уверена, что это правильно.

Все разбирательства, показания и очные ставки с Ёсида-саном дались женщине не легко, но она стойко переносила все испытания. И вот, наконец, настал день переезда.

Этот переезд занял больше пятнадцати часов, большую часть времени которого Мария молчала или отвечала односложными фразами. Она была благодарна Кёске за оказанную помощь и хотела его отблагодарить. Но пока не было никаких идей. Глядя на то, как Томми разговаривает с Кёске, она понимала, что срочно надо что-то думать. Может быть действительно не стоит проносить свое прошлое, связанное с Кёске, в настоящее и будущее? Может, жизнь в Токио позволит ей найти какого-нибудь человека, который станет ее мужем и отчимом для дочки? Пока думать не хотелось.

И вот, спустя пятнадцать с половиной часов после того, как их ноги ступили на палубу парома, они оказались в большом городе. Токио за эти пятнадцать лет сильно изменился, стал более шумным, и народу стало больше. Мария почувствовала приступ головной боли, но что можно было сделать? Она продолжила путешествие. И вскоре они оказались в большой просторной квартире на двенадцатом этаже какого-то высокого дома. Томико первым делом направилась рассматривать комнаты, потом заняла себе самую просторную комнату, откуда открывался изумительный вид на залив. Мария осмотрелась. Небольшая кухня, переходящая в гостиную. Две комнаты, достаточно просторные.

Мария привела себя в порядок и увидела на столе записку, в которой говорилось, что в холодильнике есть еда из ресторана, которую советуют попробовать. Женщина улыбнулась и стала заниматься готовкой. Вскоре вся еда была разогрета и разложена по тарелкам, тарелки оказались на столе. А в шкафчике были бокалы и стояла бутылка вина. Бутылка с бакалами тоже оказалась на столе.

- Кёске, Томми, идите ужинать, - сказала Мария, зовя их к столу. Было в этом что-то милое и забавное. Женщина тепло улыбнулась.

Кёске Сугино

Остров, на котором ему пришлось проторчать намного дольше, чем Кёске

рассчитывал, успел изрядно надоесть, и мужчина почувствовал облегчение, когда они с Мари и Томико, наконец, ступили на паром. Ну а дальше было долгое путешествие в Токио, который никогда раньше не вызывал у Кёске настолько теплые чувства. По дороге он получил сообщение с адресом квартиры и основной по ней информацией. Таяма выполнил свое обещание и, похоже, даже как-то умудрился сторговаться на вполне приемлемую сумму аренды. Хотя это было не удивительно. Его младшего коллегу любили практически все. Особенно женщины в возрасте, готовые идти ему на любые уступки.

Квартира, по итогам, оказалась даже больше, чем он предполагал, особенно на контрасте с его собственной каморкой, включая, помимо двух спален, приличных размеров гостиную, совмещенную с кухней. При этом вся мебель была в стандартном европейском стиле, что явно намекало на большую проделанную работу, за которую Хиро следовало поблагодарить отдельно. Как и Юлиану за кучу всякой еды из ресторана, благодаря которой им не нужно было бродить по магазинам или заказывать доставку.

Пока он помогал с вещами, Мари все разогрела и пригласила их к столу, вызывая у Кёске какие-то странные чувства. Он много лет не ел с кем-то кроме коллег, а тут сначала ему пришлось привыкать к присутствию Томико, а вот теперь и ее мамы, превращающий ужин в какие-то семейные посиделки, вызывающие у него некоторую растерянность. Но даже так на призыв женщины Кёске отреагировал сразу, сев за стол и улыбнувшись, глядя на ее хлопоты. Мари шел этот милый домашний образ, а он сам, к счастью, не так давно соизволив побриться и привести себя в порядок, контрастировал с ней только благодаря явно проявляющимся расовым различиям во внешности, а не степени ухоженности, обычно вызывающий вопрос, как этот дикий мужик вообще затесался в компанию двух милых особ женского пола.

Томико Икеучи

Этого дня Томико ждала с нетерпением и каким-то страхом. С одной стороны, отпустив все, что было на этом острове, она была готова двигаться дальше, если это поможет маме забыть все то, что она пережила. А с другой она боялась неизвестности.

Долгий переезд дался всем тяжело, и Томико старалась держаться. Она была достаточно взрослой и хотела доставлять взрослым как можно меньше неудобств, поэтому не жаловалась. Своего плюшевого друга она несла сама, не желая его кому-либо отдавать, и плевать ей было на то, что кто-то считал, что это неправильное, и такие взрослые девочки как она не должны брать с собой игрушки. Но это была скорее память, и всё.

А потом они приехали в Токио. Пока ехали в машине, Томико с интересом разглядывала окрестности, которые не смогла рассматривать тогда, когда искала человека, который помог ей спасти маму. И сейчас всё казалось удивительным, красивым, и она настраивалась на то, чтобы влюбиться в этот город. Ей здесь уже нравится. Потому что тут есть мама и человек, который может стать ее папой.

Томми засмотрелась в окно, а поэтому не сразу услышала, как мама зовёт кушать. Помыв руки, она присоединилась к столу.

- Приятного аппетита, - сказала девочка и начала есть, заметив, что сильно проголодалась. - О, это очень вкусно. Я тоже хочу научиться так готовить.

Мария Икеучи

Сначала пришёл Кёске, потом к ним присоединилась Томико, явно находящаяся сейчас где-то в другом месте. Мария видела комнату, которую себе отжала дочь, и поняла, что мысли Томми сейчас находятся в заливе. Томико всегда любила воду и в детстве постоянно выбегала из дома, чтобы встретить рассвет. Она стояла на берегу моря и смотрела на солнце. Там было не опасно, а здесь был большой город. К которому Марии придётся снова привыкать.

Томико первой решила начать есть, и женщина последовала ее примеру. Курица в подливке была очень вкусная, и она поблагодарила повара, которая всё это сделала, и решила как-нибудь уточнить у Кёске, знает ли он повара. И поблагодарить повара.

А вообще вся эта ситуация казалась интересной и какой-то необычной. В доме постоянно были семейные обеды, но вместо Кёске была обычно бабушка. Она ушла и впустила на своё место Кёске. В этом было что-то милое, и нужно было разбираться. Но потом.

Мария пока не знала, что говорить, поэтому просто молча ела.

Кёске Сугино

Разговор во время приема пищи всегда считался чем-то вроде особого ритуала, различавшегося в зависимости от того, с кем именно ты решил разделить еду. Но если ужинать в компании коллег Кёске приходилось регулярно, то вот семейные посиделки с двумя представительницами женского пола были для него чем-то совершенно новым. И какие темы в связи с этим стоило поднимать, мужчина не имел ни малейшего понятия. Мари и Томико вряд ли бы оценили шутку про пропавший труп, обсуждение очередного свидания на котором провалился Хирано или предложение сделать ставки, пробудит ли Таяма в себе темную сущность из-за вынужденного воздержания. А примерно так и проходили неформальные собрания их отдела, на которые явно не стоило равняться. В качестве альтернативы Кёске попытался вспомнить, что обсуждали за ужином его родители, но смог воспроизвести в памяти только рассказы о том, как у кого прошел день. И это тоже сейчас совершенно не подходило, с учетом того, что день они провели в дороге до Токио, не расставаясь больше чем минут на пятнадцать.

В итоге, положение спасла Томико, высказавшая желание научиться готовить блюда вроде тех, какие им сейчас доводилось пробовать, и давшая Кёске возможность уцепиться за эту тему, благо он прекрасно знал, откуда взялись все эти вкусности, любезно оставленные к их приезду.

- Вся эта еда из ресторана, в которой работает поваром жена моего кохая, нашедшего эту квартиру. Если тебе хочется научиться так готовить, могу тебя с ней познакомить.

Насколько Кёске знал, сейчас Юлиана чувствовала себя неплохо и, вероятно, могла что-нибудь показать и рассказать Томико, если та действительно интересовалась этим вопросом, помогая сделать первые впечатления девочки о людях в Токио достаточно приятными.

Томико Икеучи

Мама молчала, она явно чувствовала себя не в своей тарелке, и данный ужин грозился перейти в скучнейшее официальное мероприятие вроде тех, что иногда устраивались на острове, когда взрослые люди, сидя в чьем-то доме, раздумывали о том, как разнообразить свою жизнь на острове. Одним таким мероприятием был ужин у них дома, где бабушка давала советы о том, как улучшить качество рыбы в маленьком озере, а мама тоже советовалась о чем-то, что касалось ее работы. Томми на таких мероприятиях либо просто молча сидела, либо не присутствовала.

И сейчас могло быть что-то другое. Даже еще более скучное, чем все эти мероприятия на острове. Мама молчала, она явно чувствовала себя как-то неловко, а Сугино-сан тоже не знал, что говорить. И если бы она не подала голос, то сейчас все бы сидели молча.

Выслушав мужчину, Томико энергично закивала головой и улыбнулась.

- Да, я хочу научиться так готовить. Но я пока не определилась, чем хочу в дальнейшем заниматься. Но... спасибо, если вы меня познакомите с поваром, - сказала Томико, а потом посмотрела на маму. - Ты же не будешь против, мама?

Она обратила внимание на стоящую на столе бутылку алкогольного напитка, кажется, вина, и два бокала. На бутылке было что-то написано, буквы были непонятными. Девочка вздрогнула, вспомнив, как напилась, и, чтобы скрыть смущение, встала из-за стола и отправилась на кухню, чтобы налить себе воду. Благо, бутылка стояла в холодильнике. Вернувшись на свое место, Томми посмотрела на маму.

- Мам, а ты это на русском? Сможешь прочесть, что написано?

Мария Икеучи

За столом царила какая-то неправильная, нездоровая и напряженная атмосфера, и Марии было неудобно. Она всегда старалась поддерживать разговоры, но в те времена она знала, о чем говорить. Потому что это были, скорее, деловые встречи, нежели светские беседы. На этих встречах было все четко, и она знала, что говорить. А дома были приятные семейные ужины, где каждый веселился, радовался, но не был грустен или несчастен. Ей нравились эти разговоры за столом. И Томико тоже это нравилось. Потому что это была традиция. И очень хотелось эту традицию передать дочке, ее мужу и детям.

Мария слабо улыбнулась. Еда была очень вкусной, и она посмотрела сначала на дочь, потом на Кёске, и вздохнула.

- Давай мы сначала разберемся со всеми вопросами, которые нам предстоит решить, а потом посмотрим. - Ответила она.

Решить предстояло много вопросов, и один, самый важный, крутился в голове с того момента, как она увидела этот дом и квартиру. Наверное, эта квартира стоит очень дорого, и ей придется устраиваться на одну или несколько работ, чтобы оплачивать ее. Потому что из-за ранней беременности и отсутствия на острове школы она не смогла получить образование, читая лишь книги и научную литературу по ветеринарии. Это там она могла принять роды у соседской кошки. А здесь, в большом городе, где царят совершенно другие законы, ей даже не дадут сделать укол. А чтобы учиться, нужны деньги.

Жалела ли она? Нет, она ни о чем не жалела. Она была уверена, что справится, но пока ей нужно время, чтобы понять, чем заниматься дальше. А потом она посмотрит.

Томико спросила, что это за вино, и Мария взяла бутылку в руки. Посмотрев на кириллицу, она тепло улыбнулась.

- Нет, это не русский. Язык славянской группы, но я его не знаю. Кёске, а жена твоего кохая тоже иностранка? - Спросила она. Наличие бутылки иностранного вина, на этикетке которой написано что-то на кириллице, вызвало много вопросов. - Хотя здесь вроде написано "Снежное вино". Болгария. Получается, она из Болгарии? Давай попробуем?

И она посмотрела на Кёске.

Кёске Сугино

Томико его идея понравилась, да и Мари, в принципе, не имела ничего против, так что Кёске решил для начала поговорить с Хиро и решить узнать о состоянии его жены. Он и так позволил себе непростительно длинный отпуск и уже с утра собирался идти на работу, возвращаясь туда, где для него все было просто и понятно, а женщины являлись либо коллегами, либо преступницами, либо свидетельницами, а не выглядели так, словно сошли с картинки, изображающей дружную семью, окончательно все запутывая.

- Угадала, - кивнул Кёске на предложение Мари по поводу Юлианы, сделанное по этикетке бутылки на другом языке. Конечно, иностранные вина в ресторанах представляли собой распространенное явление, но это было уж очень необычным, видимо, поэтому и просигнализировало о наличии еще каких-то связей со страной-производителем, кроме коммерческих. - Она как раз из Болгарии. Видимо, получила это вино по своим каналам. - На следующий день после появления в участке Томико, на чьей смешанной крови Тогути остановился отдельно, весь отдел обсуждал, что "Сугино, оказывается, учил нашего Щеночка не полицейской работе, а иностранок любить". Причем, Таяма посмеялся над самым посылом, но, как обычно, повозмущался из-за своего прозвища.

- Раз нам его презентовали, надо попробовать, - сразу согласился Кёске, открыв бутылку и наполнив приготовленные для этого случая бокалы. Это был первый раз, когда они пили вместе с Мари, поскольку во время их общения в далеком прошлом даже он сам еще не успел переступить порог совершеннолетия. И это простое

действие сейчас казалось каким-то удивительным и немного нереалистичным, пусть он уже и должен был свыкнуться с неожиданными переменами в своей жизни.

Томико Икеучи

- Да, конечно. Сначала надо определиться с положением дел, а потом все остальное, - Томико старалась думать не просто о своих хотелках, а еще и о том, как их получить, эти хотелки. Работать она в силу возраста не сможет, да и вспомнились слова Сугино-сана, что своим желанием заработать она может нажить себе проблемы. Она была простым человеком, и лишние проблемы ей были не нужны. Да и мама будет волноваться, если у нее будут какие-то неприятности.

- О, Болгария - это, наверное, очень далеко, - сказала девочка, глядя на то, как мужчина разливает вино по бокалам. Сунув нос в мамин бокал, она понюхала напиток и облизнулась. Хотелось попробовать, так как, в отличие от отвратительных виски запах был приятный. - А за что мы пить будем?

Томико зевнула. Хоть хотелось спать, но ей так хотелось посидеть вместе с мамой и человеком, которого она может называть папой. Ведь она не хочет, чтобы он куда-то уходил.

Мария Икеучи

Было все еще неловко, но Кёске решил открыть вино и разлил его по бокалам. Приятный аромат, который щекотал ноздри, и молодая женщина улыбнулась. Она посмотрела на дочь, а потом перевела взгляд на Кёске. Вдохнула и покрутила бокал в руке. Томми предложила выпить, и Мария пожала плечами. В плане произносить тосты и шутить за столом она была хуже мамы, которая это делала с легкостью и любила это дело.

- Ну, я не знаю. Давайте выпьем. Только не знаю. Может быть, за тебя? - Она посмотрела на Кёске и слабо улыбнулась. - Спасибо тебе за все, что ты для нас делаешь.

Мария посмотрела на дочь и подвинула ей бокал с вином, чтобы та попробовала. Томико была уже достаточно взрослой, чтобы ей можно было выпить маленький глоточек вина. Женщина знала, что Томми напилась, притом она узнала об этом не от Кёске или дочери, а от одного рыбака, который справился о ее здоровье. Потом Томми подтвердила это, и Мария не винила ее. Ей самой пару дней назад хотелось напиться и забыться. Потому что стресс.

- Как я успела заметить, Токио за пятнадцать лет сильно изменился. Это на нашем островке жизнь замерла, а тут она кипит и не останавливается, - задумчиво произнесла она.

Кёске Сугино

- Да, Болгария далеко. Где-то в восточной Европе. - Интерес Томико к алкоголю и готовность Мари поделиться с ней своим вином Кёске не понравилась, пусть он и не посчитал себя в праве это комментировать. Сейчас ситуация не была стрессовой, как тогда на острове, и он не видел причин нарушать закон, касающийся запрета

употребления несовершеннолетними алкоголя. Особенно в присутствии полицейского, который хоть и не отвечал за исправление пьющих малолеток, выдавал автоматическую негативную реакцию. Хотя не ему была проводить на эту тему воспитательные беседы, поскольку в возрасте Томико он позволял себе вещи намного хуже, чем несколько глотков вина, от, которых, в принципе, не должно было произойти ничего страшного.

- Да ладно, что за меня пить. Ничего особенного я не делаю. - Кёске смущали попытки превратить его в великого благодетеля, когда он просто поступал так, как должен был любой нормальный мужчина. - Давайте уж лучше за новые начинания, если не хочется ограничиваться стандартным "капмай". - Кёске знал, что мать Мари старалась сохранять какие-то национальные традиции, не давая дочери забыть о ее корнях и считал это правильным. И если женщине казалось важным произнести какой-то особенный тост, был готов ее поддержать в том случае, если речь не шла о том, какой он молодец, необоснованно преувеличивая его заслуги.

- Да? А я уже настолько привык к здешнему шуму и суете, что даже и не заметил особых изменений. - Кёске приподнял бокал, приглашая Мари последовать своему примеру и улыбнулся. Пусть пока он и плохо представлял, как себя вести в женской компании, видеть Томико и ее маму здесь, в Токио, ему было намного приятнее, чем где-то на далеком острове, забытом всеми существующими или не очень богами.

Томико Икеучи

Мама подвинула ей свой бокал, и девочка осторожно взяла его в руку. Хотела сделать глоток, но заметила взгляд Сугино-сана, который показался ей каким-то странным. Вроде бы ничего не изменилось, но ей показалось, что он смотрит неодобрительно. Щёки налились смущённым румянцем, и она опустила голову. Но попробовала всё-таки вино. Сделал один небольшой глоток. По сравнению с виски оно было вкусное, но ей не понравилось.

Молча отдав бокал маме, она вздохнула и выпила воду. А потом снова посмотрела на Сугино-сана.

- Да, точно, "кампай". У нас на острове это слово почему-то звучало очень редко. - Томико доела всю еду, которая была на тарелке, вытерла рот салфеткой и, подумав немного, усмехнулась. - Но я, наверное, уже пойду спать. Спокойной ночи, мама, Сугино-сан.

Томико поклонилась в знак почтения и отправилась сначала в ванную, чтобы привести себя в порядок, а потом в комнату. Легла на кровать и обняла своего любимого мишку. Стала рассматривать в окно огни большого города.

Мария Икеучи

В том, чтобы дать ребёнку, достаточно взрослому и здоровому, выпить глоток вина, женщина не видела ничего неправильного. Сама она, когда ещё была маленькой, тоже обязательно на праздновании нового года делала глоток шампанского. А когда отец умер и появился отчим, этой традиции не было. Он не хотел, чтобы мама вспоминала свою страну, и иногда Марии влетало за то, что она в разговорах вспоминала Россию. До определённого возраста ее не били. А потом они уехали на

остров, и эта традиция продолжилась. Да и невозможно стать алкоголиком, делая один глоточек шампанского один раз в год, в ночь на первое января. Это была единственная традиция, которую Мария не хотела забывать. Ну и отсюда следовала другая традиция - всегда на новый год стараться собираться всем вместе, где бы ты не находился. Опять-таки из детства Мария помнит, что отец часто отсутствовал, но к новому году обязательно приезжал домой. А потом снова уезжал. Последний раз он отпраздновал с ними новый год, а ближе к лету произошёл несчастный случай.

Мария вздрогнула от своих ненужных в данный момент мыслей и посмотрела на Томми, которой вино явно не особо понравилось. А следом за этим дочь отправилась спать, что, в принципе, Марию полностью устраивало. Она вообще не была уверена, что Томико захочет с ними поужинать. Когда Томми ушла в комнату, Мари хотела было пойти следом за ней, чтобы соблюсти определенный ритуал укладывания, как это делала всегда, но осталась на месте. Просто не хотелось оставлять Кёске одного. Неправильно это - бросать гостя.

- Ты... очень многое для нас сделал. И делаешь, - ответила она, поднимая бокал. Сделала небольшой глоток и прикрыла глаза. Вкус был приятный, вино казалось сладким, но это был не приторно-сладкий вкус, от которого наутро болит голова и хочется пить. По цвету оно было слегка розоватое. - Передай жене своего кохоя большое спасибо за вино и помощь нам. Она, наверное, очень талантливая.

Мари поставила бокал и облизала свои губы.

Кёске Сугино

Вопрос употребления алкоголя несовершеннолетней разрешился достаточно быстро и легко, поскольку Томико решила ограничиться одним глотком. А вскоре и вовсе отправилась спать, вероятно, не выдержав груза усталости, накопившейся за время переезда, оставив их с Мари вдвоем. Если, конечно, не считать бутылки вина, на вкус достаточно приятного, но какого-то странного и непривычного, особенно для человека, который обычно пил пиво или разные виды нихонсю.

- О да, она очень талантливая, - пробурчал Кёске себе под нос. Пожалуй, впервые ему встречалась женщина, оставляющая за собой гору трупов и, при том, живущая вполне себе обычной жизнью. И по сравнению с таким талантом кулинарные и прочие способности меркли настолько, что в определенный момент становились практически не заметны.

- Знаешь, - сделав очередной глоток, Кёске бросил взгляд на дверь за которой скрылась Томико, - мне до сих пор время от времени кажется, что я сплю, и вся эта история с дочерью мне приснилась. Ты не подумай, - он перевел взгляд на Мари, в очередной раз примеряя ее нынешний образ на тот, что сохранился в его памяти, - Томико прекрасная девочка. И я искренне рад, что она появилась на свет. Но...

Кёске замолчал, не зная, как выразить свои мысли. Сейчас, когда не нужно было искать Мари и вычислять преступника, этих мыслей стало так много, что, казалось, они имели все шансы разорвать голову на части. Поэтому вместо завершения своего небольшого монолога Кёске сделал самую простую и доступную на данный момент вещь - подлил им еще вина.

Мария Икеучи

По-прежнему было как-то непривычно, и Мария не знала, что делать, чтобы как-то разрядить обстановку. Кёске, казалось, тоже ничего не знал относительно этого, поэтому за столом было напряженное молчание. Которое Кёске попытался нарушить, но у него ничего не получилось.

Кёске похвалил Томико, и это заставило ее щеки вспыхнуть румянцем смущения. Ей, как и любой матери было приятно, когда хвалили ее ребенка, хотя ко всему этому ей придется еще привыкнуть. На острове комплименты мало кто делал, там это было как все само-собой разумеющееся.

- Спасибо, мне очень приятно, - ответила Мария. - Знаешь, мне тоже еще кажется, что это сон. Я не хотела, чтобы все так получилось и я не хочу обременять тебя. Я очень благодарна тебе за помощь, но я не буду у тебя просить большего. Просто спасибо, что нам помог. Я обязательно заработаю денег и верну тебе долг.

Она была уверена, что Кёске может посчитать ее маргиналкой, которая, попав в плохую историю, вытянет у него деньги и будет требовать, чтобы он содержал ее.

- Если бы не этот случай, ты бы ничего про меня не знал и жил себе спокойной и привычной жизнью. Поверь, я бы никогда не потревожила тебя, - тихо договорила женщина, чувствуя, что оправдывается. Поэтому, чтобы хоть как-то изменить ход событий, она взяла бокал и сделала несколько глотков вина, стараясь не смотреть на мужчину.

Кёске Сугино

Реакция Мари прекрасно показывала, что и для нее он был отцом Томико лишь формально. По факту получалась, что Кёске хвалил свою дочь, но вот формировалось впечатление, будто речь шла о чужом ребенке. И от этого становилось немного печально, поскольку вернуть потерянные в их отношениях с Томико годы не имелось никакой возможности. Да еще и Мари подливала масла в огонь, заведя песню о возвращении долгов, обременении и прочих нелепых вещах, о которых женщина могла говорить кому угодно, но уж точно не ему.

- Вот так бы и дал по лбу. - Кёске действительно поднес руку ко лбу Мари, как это бывало в их детстве, если он считал, что та говорит глупости, и, как раньше, отделался легким, еле ощутимым щелчком. Он никогда бы не стал причинять ей боль, возможно именно поэтому его юная соседка, не слишком привыкшая к хорошему обращению со стороны мужчин, всегда ему доверяла. Доверяла настолько, что где-то спровоцировала, а где-то не притормозила его порывы, в результате которых на свет появилась Томико.

- Мари, прости меня. - Мелькнувшая на губах улыбка, вызванная детскими воспоминаниями, пропала, снова делая его лицо серьезным. - Я не должен был заходить так далеко. - Кёске еще в то время чувствовал свою вину за то, что пошел на поводу у бурлящих гормонов, а уж сейчас и вовсе подобное поведение казалось ему чем-то из ряда вон выходящим, сколько бы он ни старался утешать себя мыслью, что европейский тип внешности Мари в юном возрасте делал ее намного женственнее сверстниц японок, больше напоминающих подросших детей.

- Надеюсь, тебе потом удалось в этом плане сформировать более приятное представление об отношениях мужчины и женщины. - То, что Мари ни с кем не встречалась, не означало, что у нее больше не было никаких отношений с мужчинами. По крайней мере в это Кёске не верил, давно отметив, что с годами она стала еще привлекательнее, пусть пока ее лицо еще не до конца очистилось от следов встречи с убийцей, мешающих оценить изменения в полной мере. И раз уж подобные моменты замечал он, то явно на Мари обращали внимание и другие мужчины, среди которых наверняка находились те, что пытались с ней сблизиться.

Мария Икеучи

Мария слегка вздрогнула, когда Кёске протянул к ней руку. Этот щелбан, какой-то милый, забавный и дружеский, был вытеснен из памяти последними событиями. Ведь там давались далеко не щелбаны. Но Кёске просто дал дружеский щелбан, как-то было всегда, когда они спорили или она говорила что-то не то. Молодая женщина на несколько секунд закрыла глаза и расслабилась. Это прекратится, она обязательно пойдет на обследование, если надо, ляжет в больницу, чтобы полностью восстановить свое здоровье.

- За что ты просишь у меня прощения? - Не сразу поняла, Мари, а когда поняла, то вздохнула и покачала головой. Закусила губу и положила свою руку поверх его. - Тебе не за что просить прощения, Кёске. Мы тогда оба были "молодцы", и сэтим ничего не поделаешь. Но я знаю, что если бы маме не предложили уехать, я бы все равно не смогла сделать аборт. Возможно, ты бы участвовал в нашей жизни. Мама никогда не винила нас, она все прекрасно понимала - влюбленность, гормоны. Ты меня тоже прости, Кёске.

Мари замолчала и опустила глаза. Стала рассматривать стол, будто на нем было что-то написано.

- Ну, я... у меня не было больше отношений с мужчинами. Мне было как-то не до этого. Да и никто мне не приглянулся. А жить с нелюбимым человеком ради того, чтобы была полноценная семья, - это неправильно. У меня печальный опыт есть, не хочу передавать его дочери.

На острове действительно было мало людей, которые могли ее заинтересовать. Только, пожалуй, Кэйтиши Иноэ, отец лучшего друга Томми. Мария помогала ему в воспитании сына, когда тот был совсем маленьким, и даже как-то раз они чуть не перешли границу дозволенного. Потому что Кэйтиши не забыл свою жену и надеялся, то она одумается. Да и Мари проносила через свою жизнь прошлое. Может быть это неправильно, но она была счастлива.

Кёске Сугино

Судя то тому, как Мари отреагировала на безболезненный щелбан, Кёске понял, что недавние события продолжают над ней тяготеть, мешая вернуться к обычной жизни. Хотя было бы странно, забудь она обо всем так быстро. Ему доводилось видеть даже, казалось бы, подготовленных людей, которые ломались, сталкиваясь с самыми уродливыми чертами человеческой натуры. А тут, пережившая на себе ужасы заточения и попытку убийства, женщина и так справлялась лучше многих

крепких мужчин. Но даже несмотря на ее стойкость, Кёске пообещал себе в следующий раз быть аккуратнее и не провоцировать неприятные воспоминания.

- Все-таки здесь нас не стоит сравнивать, - покачал головой Кёске на слова Мари о их общей вине за произошедшее. Я был старше и опытнее. - Да и до романтической влюбленности, которой можно было оправдать подобное поведение, в его случае было далеко. Он дорожил Мари и относился к ней с нежностью и теплотой, но это было чувство совсем иного рода, нежели то, что обычно возникает между мужчиной и женщиной.

На откровение Мари, если он, конечно, правильно понял ее посыл, Кёске поперхнулся вином, которое так не вовремя отпил из бокала. По всему выходило, что шутки Тагучи о том, что он отбил у несчастной девушки желание вступать в отношения с мужчинами, были не так уж далеки от истины, раз природа не пыталась взять свое. И от этого становилось как-то совсем не по себе, словно именно из-за него Мари и перестала интересоваться противоположным полом.

- Ну, здесь все может быть иначе. - Осторожно заметил Кёске. - Все-таки город большой. Много возможностей как в личной жизни, так и в профессиональном плане.

Кёске пока не спрашивал Мари, чем она хотела бы заниматься, с учетом неоконченной старшей школы. Но для себя пока присматривал разные варианты, чтобы предложить ей что-то достойное, когда для этого придет время.

Мария Икеучи

- Ну, я... тоже. Гормоны ударили в голову, крышу снесло. Так что я настаиваю, что если винить, то нас обоих. Но, - Мария задумалась, - я бы хотела, чтобы ты вновь стал моим другом.

Она еще немного подержала свою ладонь на его руке, а потом убрала ее. Потому что он никак не отреагировал на это прикосновение. Хотя для них это было нормально. Японцы были слишком сдержанными, и, наверное эта сдержанность была интересна маме, раз она постоянно с подругами, которых Мари помнит смутно по рассказам, обсуждала Японию.

Заметив, как Кёске поперхнулся вином из-за ее слов, она почувствовала себя кпк-то неприятно. Опустила голову и вздохнула. Она не знала, что говорить, поэтому пока за столом повисло молчание.

Кёске Сугино

- Конечно. Я и не переставал быть твоим другом. - Кёске вполне устраивало его простое существование, и до встречи с Томико он не планировал что-то менять. Но вот Мари время от времени вспоминал, пытаюсь представить, как сложилась ее жизнь. Хотя реальность оказалась намного удивительнее всех его фантазий.

Если прикосновение руки Мари к его руке показалось Кёске чем-то вполне естественным, то вот исчезновение чужого тепла вызвало чувство легкого разочарования. Но, естественно, без какой-либо внятной причины он не мог вернуть

руку женщины обратно, боясь оказаться неправильно понятым.

Его бурная реакция на рассказ Мари о мужчинах, ее то ли смутила, то ли расстроила, заставляя Кёске пожалеть о собственной несдержанности. И, желая как-то нарушить повисшее за столом неловкое молчание, мужчина решил сказать первое, что придет ему в голову, делая ставку на искренность.

- В детстве все было намного проще. Так ведь? Можно было говорить все, что придет в голову или просто взять тебя за руку, не думая о контексте или последствиях. - Следуя порыву, Кёске перехватил руку, которая еще недавно лежала на его собственной, и зажал между своими ладонями, пытаясь понять, что чувствует здесь и сейчас. - Да, все очень изменилось. Но это и к лучшему.

Кёске не хотел цепляться за прошлое, стараясь видеть уже новую Мари. И этот его нехитрый эксперимент показал - подобное было вполне возможно. Но тут появлялась и новая проблема. Он прекрасно знал, что чувствовал по отношению к юной Мари, но эта ее более женственная взрослая версия сбивала с толку, порождая совсем иные чувства, в которых Кёске еще никак не мог разобраться.

Мария Икеучи

- Да. В детстве все было проще. Можно было говорить и делать все, что взбредет в голову, и не думать о последствиях. Сейчас не думать о том, к чему приведут слова, действия или поступки, не получится.

Мария хотела сначала вырвать свою руку, только для того, чтобы пересечь на соседний от Кёске стул, но всё-таки решила остаться на своем месте. Все-таки, несмотря на то, что они с Кёске проводили много времени вдвоем, играли в щелбаны, читали книги и рассказывали друг другу истории, сейчас было другое время. Они повзрослели. И теперь разные детские забавы и обнимашки не имели никакого права на существование.

Женщина вздохнула и отпила немного вина. Потом снова посмотрела на мужчину и слабо и как-то неуверенно улыбнулась.

- Мне Томико сказала, что ты предложил ей все оформить официально, чтобы она носила твою фамилию. Томми к тебе очень привязалась, но, - Мари задумалась и свободной рукой накрыла его ладонь, - мы же не сможем вот так все выкинуть, прошедшие годы, и снова начать встречаться. Я... мне неудобно из-за всего перед тобой. Мы нарушили твой мир, вторглись в него без разрешения. Но... - Женщина на секунду закрыла глаза, чтобы успокоиться и собрать утепующие мысли, но увидела ухмыляющееся лицо Ёсида-сана, и вздрогнула.

Открыв глаза, она быстро допила вино, плещущееся в бокале, и опустила голову.

- Если бы не ты, не твои воспоминания обо мне, то... наверное, вся эта история закончилась там.

Эти несколько дней, что оставались на острове, Мария ловила себя на мысли, что, вероятно, если бы Томми не нашла его, то дни ее закончились. Но дочери круто

повезло, что она смогла в этом городе найти Кёске. Томико не испугалась большого города, в то время как сама Мария всегда испытывала дискомфорт в нем. Здесь ей легко было потеряться.

- Мне ведь помогут? Я смогу вылечиться и стать нормальной? Я сейчас вспомнила эти события, и... налей мне, пожалуйста, еще вина. Может, оно поможет мне. Я не хочу жаловаться тебе на свои страхи, - слабым голосом пробормотала Мария, снова покраснев.

Кёске Сугино

- Не нужно ничего выкидывать. - Кёске и сам не представлял, как можно перечеркнуть годы, которые они провели врозь, да и не видел в этом смысла. - Просто сейчас в жизни Томико начинается новый период, и она вполне может вступить в него с новой фамилией. У меня простая фамилия, но, по крайней мере, она не напоминает о твоём отчине.

Конечно, Томико никогда не видела человека, в свое время немало помотавшего Мари нервы. Но ее фамилия являлась чем-то вроде клейма, остававшегося бы как минимум до замужества, а то и на всю жизнь.

Тема смены фамилии неожиданно перетекла в в очередные "если бы не...", показывая, что относительное внешнее спокойствие Мари лишь прикрытие, за которым находятся тяжелые переживания. И, самое печальное, Кёске понятия не имел, как их облегчить. Разве что удовлетворить просьбу женщины налить ей еще вина.

- Мари-ты нормальная. - Он снова наполнил опустевшие бокалы. - А специалиста, который сможет тебе помочь, я обязательно найду. И еще, - Кёске перегнулся через стол, протянул руку и взъерошил волосы женщины, желая немного разрядить обстановку. - Ты всегда можешь поделиться со мной. Тот факт, что у меня появились первые морщины и практически постоянная щетина, не сделали меня совершенно другим человеком.

Конечно, помимо внешних изменений произошло еще и немало внутренних, убравших вспыльчивого подростка и впустивших на его место рассудительного мужчину. Но Кёске желал подчеркнуть, что самое главное осталось неизменным - Мари все так же могла ему доверять.

Мария Икеучи

- Мне всегда нравилась твоя фамилия, но я подумала, раз мы перебрались так далеко и не имели вероятность встретиться, то пусть уж Томми носит фамилию моего отчима.

До всех этих событий с неожиданным исчезновением мамы Мария и думать не думала о том, что когда-нибудь Томми встретится со своим отцом. Она не была уверена, правильно ли вообще поступает, не желая самой встречаться с Кёске, но сейчас уже было глупо это вспоминать и думать об этом. Сейчас наступили другие времена, другая жизнь, и ей надо сделать все, чтобы Томми была счастлива. И самой найти это самое счастье.

Когда Кёске взъерошил ей волосы, она сначала напряглась, но потом слабо улыбнулась. Это был простой и дружеский жест, но опять же наружу стали прорываться эти страхи. Но Кёске сказал, что найдет специалиста, а его словам она всегда верила. Потому что он никогда не врал. И если говорил, что что-то сделает, то делал в е возможное, чтобы выполнить свое обещание.

- Я... спасибо тебе, Кёске. Я хочу избавиться от этих воспоминаний, и... я должна быть сильной.

Мари взяла бокал в руку и отпила немного вина. А потом посмотрела на мужчину и слабо улыбнулась.

Кёске Сугино

- Ну да, без моего ведома, в мой семейный регистр ты Томико внести не могла, - кивнул Кёске, прекрасно понимая, что кроме фамилии отчима у Мари особенно и не было вариантов. - Но это вполне можно сделать сейчас. - Пусть прошло немало лет с момента рождения Томико, ничего не мешало ей стать Сугино теперь и начать новую жизнь с новой фамилией.

Очередную неоднозначную реакцию Мари на его, казалось бы, простой жест Кёске заметил, поскольку привык на допросах отслеживать минимальные изменения мимики преступников. Но сейчас этот навык доставлял, скорее, неудобство, только усиливая болезненное чувство в груди, возникающее каждый раз, как Кёске думал о пережитых женщиной потрясениях.

- Мои прикосновения тебе неприятны? - Задавая этот непростой вопрос, мужчина преследовал две основных цели. Первая - выяснить, насколько глубока была проблема, связанная с пережитым кошмарным опытом. И вторая - определиться со своим дальнейшим поведением. Время от времени у Кёске возникало желание как-то успокоить Мари, используя физические контакты, как это было в день их первого за долгое время разговора. Но если сейчас с мужскими прикосновениями, пусть даже и совершенно безобидного характера все стало плохо, то ему следовало попридержать свои порывы, оказывая поддержку на расстоянии.

Мария Икеучи

Ее реакция на его жест не осталась незамеченной, и это заставило Марию закусить губу и опустить глаза в стол. Кёске всегда был внимателен к любым изменениям во внешности или поведении, даже если она пыталась это скрыть. Вот и сейчас он тоже все заметил. И она не знала, что надо делать, чтобы хоть как-то показать ему, что сейчас уже лучше и спокойнее, чем раньше.

Женщина не нашла ничего лучше, чем взять бокал и быстро допить вино, налитое в бокал. Оно ударяло в голову, но до того состояния, когда можно сесть рядом с Кёске и прижаться к нему, было еще очень далеко. Она не была уверена, что стоит ворошить прошлое и обниматься с ним. Всех этих телесных контактов в ее жизни не было пятнадцать лет.

- Нет, я... мне нравятся твои прикосновения. Просто... - Мари задумалась и,

вздыхнув, встала из-за стола. Пошатнулась не то из-за усталости, не то из-за количества выпитого алкоголя, но нашла в себе силы дойти до соседнего с Кёске стула и сесть на него.

- Да, вот так лучше, - пробормотала она, улыбнувшись и прижавшись к мужчине плечом. - Просто он стоял... сидел напротив меня, говорил страшные вещи про иностранных шлюх, бил меня. А еще я помню темноту и одну маленькую косточку. Чтобы я не сдохла от голода. Там было сыро. И... я не хочу это вспоминать, Кёске. Мне страшно, что из-за этих событий я превращусь непонятно во что.

Мари закрыла глаза и постаралась сдержать в себе всхлип. Нет, не так должен заканчиваться такой приятный и прекрасный ужин. Ей стало стыдно за свою слабость. Нужно стать сильной и просто подождать, когда с ней начнут работать.

- Налей мне еще вина, пожалуйста. И... прости меня за эту слабость.

Кёске Сугино

Когда Мари поднялась со своего места, Кёске не сразу сообразил, что именно она хочет сделать. В первый момент он подумал о ее желании дистанцироваться от него еще больше, автоматически напрягаясь, и почувствовал облегчение только после того, что женщина, наоборот, решила сесть рядом, демонстрируя свое расположение. В момент, когда она чуть не упала в процессе своих перемещений, Кёске дернулся было, чтобы ее поддержать, но Мари справилась сама, заняв соседний стул и объяснив, с чем связана ее неоднозначная реакция.

- Все это осталось в прошлом, обещаю. - Кёске выполнил просьбу и снова наполнил бокал Мари, думая о том, что Ёсида отделался слишком легко, и его стоило отправить на встречу с предками еще в тот вечер, когда тот повторно пытался убить Мари. После всего, что этот недочеловек успел натворить, он не должен был пачкать своими ногами эту землю. Хотя если все известные преступления будут доказаны Ёсида вполне мог заслужить и смертную казнь, которая сейчас казалась Кёске единственно адекватным наказанием.

- А ты со всем обязательно справишься, я не сомневаюсь. - Он мягко притянул женщину к себе, принявшись успокаивающе поглаживать рукой по ее спине. И сейчас ему было плевать на всевозможные правила и условности. Пусть они уже и не являлись детьми, которые особенно не стеснялись в проявлении симпатии, потолок не должен был на них рухнуть из-за объятий, не подразумевающих под собой ничего предрассудительного. По крайней мере Кёске убеждал себя именно в этом, стараясь игнорировать тот факт, что тело Мари стало намного женственнее и привлекательнее, не только внешне, но и на ощупь.

Мария Икеучи

Кёске ее обнял, и молодая женщина прикрыла глаза и счастливо улыбнулась, чувствуя его прикосновения к себе и нежные успокаивающие поглаживания, дающие какую-то уверенность. Неприятные воспоминания, о которых она хотела отречься, постепенно вытеснялись вспышками приятных воспоминаний из прошлого, когда они как-то сидели в ее маленькой квартирке, пока никого не было дома, и разговаривали. Мари делилась своими воспоминаниями о России, и ей казалось,

что Кёске с интересом слушает это.

Многое изменилось с тех пор. Они стали старше и опытнее, возможно, где-то умнее и мудрее, но Мари в душе осталась неисправимым романтиком. Чьи грезы чуть не были уничтожены. Мари вздрогнула и посмотрела в окно.

- Уже поздно, - с грустью в голосе сказала она. - Ты останешься.

Она посмотрела на мужчину и слабо улыбнулась. А потом неходя высвободилась из его объятий, но только для того, чтобы взять бокал вина. То, что она выпила больше Кёске, ее смутило, и она вздохнула. Снова прижалась к Кёске и накрыла своей ладонью его руку.

Кёске Сугино

На его объятия Мари отреагировала благосклонно, не став отстраняться или пытаться вырваться. И это было хорошим знаком. Если сейчас ей и было тяжело, она вполне могла начать полноценную жизнь, сделав все произошедшее частью своего жизненного опыта. Пусть и очень неприятной частью. А это уже никак нельзя было назвать чем-то смертельным.

- Хорошо. - Вопрос Мари был больше похож на утверждение, но Кёске не посчитал нужным как-то комментировать этот момент. В конце концов, в гостиной стоял вполне приличный диван, на котором он мог спать, да и тащиться сейчас в свою квартиру у него не было ни малейшего желания. Вещи, которые мужчина брал с собой на остров, он еще никуда не завозил, а этого вполне хватало, чтобы завтра собраться на работу и явиться туда в относительно пристойном виде.

- Если что, не переживай. Пей, сколько захочешь. Я не испугаюсь, даже если ты начнешь буйнить. - Кёске сильно сомневался, что Мари умудрится напиться до состояния, когда человек не контролирует свое поведение, но даже такой поворот событий его ничуть не смущал. Да и трудно было утворить что-то странное, пока он ее обнимал, не сильно стремясь отстраняться и лишая себя тепла женского тела. Ну а Мари подобное положение вещей, вроде как, полностью устраивало, раз она она снова накрыла ладонью его руку, светлая кожа которой с годами стала еще сильнее контрастировать с его собственной достаточно смуглой.

Мария Икеучи

Кёске согласился остаться в квартире. Ей так было спокойнее. Она боялась, что не сможет спокойно спать и ей будут сниться кошмары. Но раз Кёске согласился остаться, чему она была очень рада, то можно не волноваться, что ее будут мучить кошмары.

Мария отпила немного вина и вздохнула. Напиваться до того состояния, когда она сможет себя как-то неправильно вести, она не хотела. Потому что это неправильно, да и о себе она должна оставить впечатление не как о маргиналке и алкоголички, а как о приятном собеседнике. Хотя раз у нее начались такие мысли, то это означало, что алкоголь стал действовать. У нее был стресс, на нее навалилась сильная усталость, и она зевнула.

- Может быть, ты хочешь чаю? - Спросила она.

Кёске Сугино

Какое-то время они просто молчали, а затем Мари зевнула, демонстрируя, что ей уже пора заканчивать с посиделками и отправляться отдыхать. Выматывающий переезд наверняка наложил на общее истощение организма, еще не до конца оправившегося после травм и пережитого стресса, и дальше мучить женщину своим обществом Кёске не видел ни малейшего смысла.

- Я разберусь с тем, чего хочу, а ты отправляйся спать. - Мужчина выпустил Мари из своих объятий и мягко подтолкнул, провоцируя подняться со стула и заняться приготовлениями ко сну. Сам же он привык спать мало, поэтому, дождавшись когда новая хозяйка этой квартиры ляжет спать, неторопливо допил вино, стараясь не шуметь и не мешать Мари и Томико отдыхать после тяжелого дня. И только когда бутылка опустела, что с учетом небольшого количества оставшегося вина не отняло так уж много времени, позволил себе подняться со стула и после водных процедур переместиться на диван. Ему было не привыкать спать в самых странных местах лишь намекающих на удобство, поэтому на вполне пристойном ложе Кёске отключился практически моментально, оставляя решение насущных проблем на грядущий день.
